ОТ ЛАУРЕАТА ПРЕМИИ СТРЕГА

CORPUS

ФРАНЧЕСКО ПИККОЛО

МИНУТЫ БУДНИЧНЫХ ОЗАРЕНИЙ

У Франческо Пикколо есть удивительная способность — без устали находить новое в хорошо знакомой нам повседневности.

18+

GIULIO EINAUDI EDITORE

Франческо Пикколо
Минуты будничных озарений

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69448819
Минуты будничных озарений: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-154674-8

Аннотация

Книга итальянского писателя и сценариста Франческо Пикколо является продолжением его «Минут будничного счастья» и «Минут будничного несчастья» – беглых заметок о жизни, о времени и о себе. Будничные вещи, жизненные ситуации, в которые попадает автор, отношения с женой и детьми, события и эмоции – самые разнообразные: радость, грусть, раздражение, гнев – представлены небольшими философскими зарисовками.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 34

Франческо Пикколо
Минуты будничных озарений

© Francesco Piccolo, 2020
© Е. Солонович, перевод на русский язык, 2023
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2023
© ООО «Издательство Аст», 2023
Издательство CORPUS ®

* * *

Моей сестре

…Именно вещи, едва замеченные днем, мысли, не доведенные до ясности, слова, сказанные без души и оставленные без внимания, возвращаются ночью, облеченные в плоть и кровь, и становятся темами сновидений, как бы в возмещение за дневное к ним пренебрежение.
Борис Пастернак. «Доктор Живаго»

Годами мы с женой спорим об одном и том же – о настоящем и о будущем: я постоянно, «как одержимый», утверждает она, думаю о будущем. Она же постоянно, более того,

как одержимая, думает о настоящем. Мы обнаружили, что во всем, даже в том, купить белый хлеб или черный, даже в том, кто из нас повезет сына в бассейн, всякий раз возникает вопрос о настоящем и будущем. Если я, например, говорю, что следует заплатить за плаванье, и спрашиваю: будем платить помесячно либо всю сумму вперед, она, глядя на меня с умным видом человека, знающего все на свете, спрашивает:

– Вперед? А если мы вдруг умрем? Лучше платить каждый месяц.

Моя жена – противница любой перспективы за пределами текущей недели. Она говорит:

– Если мы вдруг умрем, зачем нам заниматься тем, что случится в следующий понедельник?

– Надо бы отложить немного денег на будущее, – говорю я, – мы состаримся, и нам надо будет на что-то жить, у нас дети, о которых мы должны заботиться, мы не можем позволить себе не думать о будущем.

Она смотрит на меня так, будто ей известно, как устроен мир, и знай свое: «А если мы вдруг умрем?» Она любит помечтать о путешествии в тропические страны, она за то, чтобы покупать самые дорогие в мире вина, ей хочется попробовать всё на свете (ладно, не всё, конечно, знаю – то есть не знаю, а надеюсь, что не всё), потому что она говорит:

– Попытка не пытка, ведь мы можем неожиданно умереть и упустить что-то важное.

Легко представить себе выражение ее лица, когда я пыта-

юсь предложить покупку квартиры в кредит: ежемесячные выплаты нам по силам – разумеется, при условии экономии на всем, ибо важно вложить деньги, поскольку на старости лет… Она смотрит на меня в упор и спрашивает:

– А если мы вдруг умрем?

Одним словом, для моей жены будущего не существует. Существует бесконечная череда настоящих, которыми мы должны немедленно воспользоваться, ибо можем неожиданно умереть.

Когда я слышу от нее: «Возьмем все деньги, какие у нас есть, и поедем в Полинезию. Зачем сидеть на деньгах?» – я каждый раз спрашиваю себя: но если мы вдруг умрем, на что нам сдалась перед смертью Полинезия? Кому после смерти мы скажем, что были в Полинезии? Какая разница между покойником, побывавшим в Полинезии, и покойником, который там не был? Допустим, рай существует и у врат его дежурит святой Петр, неужели мы ему скажем: «Имейте в виду, мы были в Полинезии»? На это он нам, скорее всего, ответит: «А какая мне, извиняюсь, разница, были вы там или не были?»

Я знаю, что моя жена лучше, чем может показаться с моих слов; знаю, что стоит мне заикнуться о кредите, как она теряет ко мне интерес. Знаю, что, влекомая страстью пустить все деньги на ветер, она выглядит очень привлекательной, даже соблазнительной. Я знаю, что, если бы снимали фильм,

в нем показали бы университетского профессора, который говорит студентам «ловите момент», «живите настоящим», а не крохобора, который аккуратно откладывает деньги, чтобы было чем платить налоги, и когда приходит время их платить, деньги у него всегда есть, потому что он человек предусмотрительный. Однако жизнь такова, что в ней существует и настоящее, и будущее. Совершенно верно и то, что зачастую человек строит кучу планов, думает, что у него все впереди, что он успеет переделать массу дел, и вдруг умирает, а значит, не было смысла смотреть в будущее. Есть, правда, одна вещь, которую не учитывает моя жена, хотя в ее философствовании есть своя логика: моя жена исключает возможность не менее значительную, нежели та, о которой она говорит.

А если мы не умрем?

Совершенно верно, мы можем умереть неожиданно, сбитые автомобилем или при пожаре, а то и от неизлечимой болезни или от инфаркта. А если этого не случится?

Если мы состаримся и все деньги потратим в Полинезии либо невесть где, что мы скажем друг другу? Что, к сожалению, не умерли и остались на бобах? Мы спросим себя: почему мы не умерли, черт возьми?

В итоге все мои споры с женой сводятся к этому философскому, в общем-то, диалогу.

Она говорит: «А если мы умрем?»

Я же говорю: «А если мы не умрем?»

Настоящее и будущее в этом экзистенциальном диалоге раздваиваются, противостоят друг другу, стараются набрать себе побольше очков. Но правда в том, что будущее и настоящее переплетаются, одно является следствием другого. И можно брать все возможное от настоящего, но одной ногой стоять в будущем, помня об угрозе неожиданной трагедии, которая может настигнуть нас, а может и не настигнуть.

Так что приходится постоянно признаваться жене, что я думаю о будущем, не могу не думать. Само мое писательство – долгосрочный проект, мысли о том, что написанное мной кто-то увидит через несколько лет. Думай я: «А если я умру?» – я бы больше не писал.

Жена неуверенно кивает головой. Но как только мы слышим, что у кого-то инфаркт, неизлечимая болезнь или что кто-то попал в аварию, я не хочу сказать, что она радуется, избави боже, напротив, она огорчена. Но сохраняет присутствие духа и бросается ко мне, чтобы сказать: «Вот видишь, какова жизнь. Незачем строить планы, а вдруг ты попадешь в аварию, или у тебя случится инфаркт, либо окажется, что ты тяжело болен…» В общем, единственное, что тебе остается, – сесть в самолет и лететь в Полинезию (понятия не имею, чем ее так привлекает Полинезия).

Если уж следовать до конца философской концепции моей жены, когда она предлагает мне поездку в Полинезию, ибо мы все равно умрем, я мог бы спросить ее, следуя той же логике: какой смысл наслаждаться жизнью, если все равно мы

умрем? Или сформулировать короче: зачем жить, если мы умрем?

* * *

Когда я в плохом настроении, мои домашние не выносят меня. Когда я в хорошем настроении, оказывается, что они предпочитали видеть меня в плохом настроении.

Кто вернет мне время, потраченное на распутывание проводов от наушников?

Стиральная машина разделяет пару носков на всю жизнь.

Есть две вещи, которых я в последние годы стараюсь избегать, становясь все ленивее: заправка и банкомат. Получается, что каждый божий день моя голова занята банкоматом и бензозаправками. Я иду или проезжаю мимо и думаю о том, что не могу остановиться, выключить мотор, набрать пин-код или открыть бензобак. Это простейшие каждодневные действия, но мне не хватает сил осуществить их. Я откладываю. Сбавляю скорость, смотрю на окно банкомата или на заправщика рядом с колонкой, свободного, ждущего меня, и говорю себе: «Завтра». (Не счесть, сколько раз бывало, что я, собираясь остановиться, видел, что кто-то снимает деньги или заправляется, и сразу исключал саму возможность подождать.)

Все это глупо, знаю. Глупо еще и потому, что я без конца твержу себе: «Я должен заправиться, должен снять деньги». Думаю: «Это быстро. Неужели я так обленился?» И говорю себе: «Завтра, обязательно, клянусь».

Тем временем дни проходят, наличные в бумажнике тают, остается пять или десять евро плюс мелочь; бензин в мопеде на исходе, топливный бак почти пуст, но, чтобы не останавливаться, я прикидываю, что на дорогу туда и обратно сегодня хватит, а уж завтра – клянусь, что заправлюсь. Тем временем я трачу те пять или десять евро и мелочь, потом плачу картой за два кофе, потом говорю: «Заплати, пожалуйста, ты, а то у меня нет наличности, нужно снять в банкомате».

И потом мопед останавливается на дороге, и первое, что приходит мне в голову: сломался. Я и мысли не допускаю, что закончился бензин, по моим подсчетам, там немного еще оставалось, а завтра, черт возьми, я бы доехал до заправки. И думаю, что придется везти мопед руками или оставить его и идти с канистрой на заправку. Тяжело вздыхаю, иду, и уже на заправке вспоминаю, что у меня нет денег, поскольку я не успел воспользоваться банкоматом.

И ни разу я не говорил себе в этих обстоятельствах: клянусь, что перестану лениться в том, что касается банкомата и бензина. Урок не впрок.

Более того, я думаю, что пора бы изобрести возможность доставки наличных и бензина на дом. Ты звонишь и заказываешь снять для тебя деньги в банкомате или заполнить бак в

мопеде. Звонят в дверь и вручают тебе наличку; звонят в домофон, ты спускаешься, хотя проще было бы бросить ключи из окна, чтобы потом их оставили в почтовом ящике. Привезли канистру с бензином и переливают его в бак.

Компот? Нетушки, ни за что на свете.

Людей, работающих в пекарне или на колбасной фабрике, одетых на улице как все, ты не различаешь.

Вместо того, чтобы пользоваться лифтом, предпочитаю спускаться по лестнице.

Куда бы я ни летел, вид под крылом самолета синего здания с желтой надписью «ИКЕА» действует на меня успокаивающе – никто не сможет меня обидеть.

Я поистине благодарен изобретателю маленького острия в крышке зубной пасты, позволяющего открыть тюбик первый раз.

Можно упрекнуть его лишь в том, что он не предупредил меня об этом, и я годами вскрывал тюбик как придется.

Когда изобретают что-то полезное, следует научиться сообщать об этом.

Когда по улице мчится, сигналя, карета скорой помощи,

непонятно, почему водители идущих за ней машин считают, что и они тоже должны увеличить скорость.

Стук приближающихся женских каблуков в коридоре гостиницы. Кто бы это мог быть? Неужели их обладательница остановится у моей двери?

Увы!

Когда женщина говорит про кого-то, что он плохой ёбарь, тебя это радует, хотя ты тут ни при чем.

Когда едешь по городу и тебе кажется, что ты заблудился, тебя выручает прекрасный указатель: «ВСЕ НАПРАВЛЕНИЯ».

По утрам я просыпаюсь рано, надеясь, что у меня будет время выпить большую чашку кофе и почитать в планшете газеты. Но маленький сын слышит мои шаги и окликает меня, чтобы доложить: «Я проснулся». Это буквально выводит меня из себя чем дальше, тем больше.

Сын начинает задавать мне вопросы. В голове у меня еще каша, я рвусь почитать газеты и выпить кофе, так что мне сейчас не до него. Он требует внимания, а мое внимание сосредоточено сейчас на газетах и кофе.

Потом просыпается дочка-подросток, которая хочет, чтобы кофе был готов к моменту, когда она переступит порог

кухни. Говорить с ней следует осторожно: скажешь не то – она озвереет. Я предпочитаю молчать. Она говорит: «Ты со мной не разговариваешь, ни о чем меня не спрашиваешь». Я знаю, что это ловушка, и все же спрашиваю ее о чем-то. И она звереет. Я не хочу нервировать ее, стараюсь не сплоховать (у меня не получается, я знаю, но попытка не пытка), и иногда, в одно утро из десяти, она, слава богу, не злится. Но с ее приходом в кухню беспокойство мое лишь усиливается.

Я готовлю завтрак для обоих: она предпочитает обезжиренное молоко, а он цельное, и они следят, чтобы я не путал. Потом я сажусь с ними за стол и стараюсь быть начеку, потому что всегда наступает момент, когда сын хочет сам открыть пакет кукурузных хлопьев, изобретенный человечеством, чтобы научиться рассчитывать силу: если ты прилагаешь ее слишком мало, пакет не открывается, если чересчур много, он рвется, и содержимое разлетается по всему дому.

Я всегда говорю: «Я сам открою», а сын всегда говорит: «Нет, я!»

А мне дают советы, что он должен научиться все делать сам. Но я говорю, что он тратит на обучение этому нехитрому делу слишком много времени. Все мы понимаем, что наступит день, когда он аккуратно откроет пакет так, что ни один из хлопьев не упадет на пол, и тогда он постигнет дзен. Я тоже к тому времени постигну дзен, но два просветленных на семью, по-моему, многовато.

Газеты я читаю невнимательно, кофе не доставляет мне

удовольствия, завтрак тоже, на вопросы сына отвечаю кое-как, и мне не удается помешать ему рассыпать кукурузные хлопья по всему дому. Дочка фыркает, или кричит, или качает головой – дескать, какой ты нелепый. Не знаю, почему она так считает, но очевидно, что считает, чем-то я ей не угодил, и не в данной ситуации, а вообще.

Зато жизнь моя полностью меняется, когда работа вынуждает меня спать не дома.

Утром я открываю глаза и через несколько секунд понимаю, что не должен никому готовить кофе и что никто на меня не разозлится, что я, более того, могу спуститься к завтраку в ресторан гостиницы, где кто-то будет заниматься мной, спрашивая, что я закажу, а я готов заказать многое.

Я могу читать газету, наслаждаться кофе, спокойно завтракать и – хотя по привычке смотрю по сторонам, проверяя, все ли в порядке, – все обычно в порядке. В незнакомой гостинице незнакомого города в памяти на мгновение всплывает время, когда у меня не было детей, забытое время. Но почему-то как раз в эту минуту меня снова охватывает беспокойство.

Это неизбежно, поскольку благодаря газетам, кофе и круассанам с кремом мне представляется, что где-то кто-то далеко, у меня дома, должен вовремя сварить кофе для моей дочки, должен внимательно следить за моим сыном, пока он открывает пакет кукурузных хлопьев, должен наливать цельное и обезжиренное молоко, должен отвечать на вопросы,

часто не имеющие возможного ответа. Этим займется моя жена, вынужденная в мое отсутствие просыпаться раньше. У нее, думаю, это получится даже лучше, чем у меня. В любом случае, я не могу спокойно пить кофе, читать газету и завтракать даже здесь, в гостинице. Я опять в легком смятении, так уж я устроен, ничего не поделать, но это лучшее смятение, которое было в моей жизни.

В воскресенье ты не можешь добраться ни до одного нужного тебе места: между тобой и этим местом неизменно происходит марафонский забег.

* * *

Мне нравятся все женщины, живущие в моем районе. Все без исключения: молодые, пожилые, высокие, низкорослые, красивые, некрасивые, милые или с дурным характером. Мне нравятся даже те, которые не нравятся.

Впрочем, чем дальше они живут, тем меньше мне нравятся.

И первый вопрос, который я задаю при встрече: «Где ты живешь?» Те, что живут далеко или очень далеко, мне не нравятся. И если они нравились мне до того, как сообщили свой адрес, сообщив его, перестают мне нравиться.

В любви главное для меня расстояние. Это критерий. Спорный. Но я его не выбирал, чутье подсказало. Единствен-

ное принятое мной правило обусловлено не каким-то событием, а интуицией: с малых лет мне не доводилось влюбляться в девочек, девушек или женщин, которые жили очень далеко. И меня всегда влекло к женщинам, жившим поблизости. Чтобы меня правильно поняли, объясняю: в юности я был помолвлен с девушкой, жившей этажом выше. Это время и поныне остается для меня самым счастливым в жизни. Она жила в моем доме, и мы расстались только после того, как она переехала, причем слишком далеко. «Мне очень жаль, – сказал я. – Я тебя любил». «И больше не любишь», – сказала она. Я не ответил, но это было так. Она хотела спросить: «Ты любил меня только потому, что я жила этажом выше?» – но не спросила. В этом клубке моих противоречивых чувств главным было то, что, если бы она по-прежнему жила там, я бы остался с ней на всю жизнь. Наверняка я бы женился на ней, и у нас были бы дети.

В самом деле, жениться или жить вместе было моей единственной целью в жизни. Предел мечтаний – жить в одном доме и не бояться, что кто-то спросит: «Ты меня проводишь?»

Однако мне ни разу не удалось воспользоваться прекрасной возможностью сожительства. Потому что, если мне нравится соседка, я об этом не думаю. Мне так хорошо, что я не думаю о продолжении. Если мне случается встретить другую и она мне нравится, я спрашиваю: «Где ты живешь?» И она

отвечает, к примеру: в Мальяне (районе Рима, очень далеком от того, где я живу). Тогда я реагирую двояко: или она тут же перестает мне нравиться, или – если очень понравилась и слово «Мальяна» не оказало на меня анестезирующего действия, – я понимаю, что эта женщина могла бы стать женщиной моей жизни. Но, разумеется, о том, чтобы ехать в Мальяну, для меня не может быть и речи, я не хотел бы потерять незнакомку и нахожу единственно возможный выход из положения – спрашиваю: «А не хочешь переехать ко мне?»

По-моему, очень хороший вопрос, который почему-то не производит должного впечатления, и до сих пор мне всегда отвечали на него: «Нет».

«Мы почти незнакомы», – говорят они. «Ты права», – соглашаюсь я. И разговор окончен. Они возвращаются в свою Мальяну, и я забываю о них.

Короче говоря, пока речь идет о Мальяне, то есть о районе, действительно далеком, забыть их нетрудно, однако в один прекрасный день мне пришлось взять за правило этот мой романтический критерий. Потому что понятия близости и дальности расплывчаты. Так что следовало провести границу.

И я педантично очертил радиус действий: будучи римлянином и живя в одном из центральных римских районов, я решил, что мои сентиментальные и/или сексуальные встречи должны происходить внутри Аврелиевых стен. Внутри – да,

снаружи – нет. Внутри женщины мне нравятся, возбуждают меня. Снаружи – нет. Аврелиевы стены, такие красивые и грозные, были воздвигнуты по указанию императора Аврелиана для защиты города от варваров и, следовательно, представляют собой древнюю городскую границу. Если я встречаю женщину, живущую вне Аврелиевых стен, я могу предложить ей переночевать у меня дома. То есть она приходит ко мне, и на следующее утро я остаюсь дома, а она отправляется восвояси на автобусе или на электричке. Однако не больше одной ночи, поскольку потом возникают трудности: например, она может потребовать, чтобы я проводил ее домой. Нет. После первой ночи она должна решить, переехать ли ко мне навсегда или больше никогда не видеться со мной.

Все мои друзья знают это мое правило, но неизвестно почему не все с ним согласны. И вот вечером, когда мы говорим на разные темы, как водится между друзьями, куря или выпивая и переходя от политических и экономических вопросов к разговорам о сексе или к бессмысленной болтовне вроде: «Спорим, ты не выпьешь все это пиво одним глотком!» – «Выпью». – «Не выпьешь». – «На что спорим?..» Одним словом, в такие веселые вечера, которые случаются незадолго до начала зимы, в очередной раз возникает вопрос о расстоянии и о моих правилах.

Паоло, самый занудный из нас, спрашивает:

– А если ты встретишь женщину, которая тебе нравится,

но живет в доме сразу за Аврелиевыми стенами, как ты поступишь?

Критерий есть критерий, правило есть правило. Возможно ли, чтобы я сказал «да» женщине, живущей сразу за стенами, а не той, что живет в соседнем с ней доме, но внутри? Нет. В стенах – да, вне стен – нет.

– Хорошо, но расстояние между этими домами – десять метров, – говорит он.

– Таковы все границы, – говорю я.

И еще есть история с Сильвией и Летицией Каста. Сильвия каждый раз возвращается к Летиции Каста в надежде, что я сдамся и отвечу иначе.

– Начнем сначала, – предлагает она, – и представим, что звонит телефон, ты отвечаешь, и женский голос говорит: «Чао, это Летиция Каста». Представим, что она говорит чувственным голосом: «Я звоню из Мальяны. Хочешь приехать ко мне?» Что ты будешь делать? – спрашивает Сильвия.

– Я не поеду, – отвечаю я, не задумываясь.

– Не верю, – говорит Сильвия.

– Правило есть правило, – говорю я.

– А что ты скажешь ей?

– Скажу, что сейчас не могу, но завтра, если она будет в центре, пусть позвонит мне, и я с удовольствием с ней встречусь.

– Не верю, – говорит Сильвия, глядя на друзей вокруг в поисках поддержки. Но остальные, хотя и качают головой,

верят. Они знают, что я действительно не поеду.

– Хорошо, – говорит Сильвия, – Летицию Каста мы выбрали как пример женщины, перед которой невозможно устоять. – И тут она называет имя девушки, в которую, как всем известно, я влюблен вот уже много лет. Эта девушка живет в моем районе, почти на границе с соседним районом, по правде говоря, но это не имеет значения. Она знает обо мне, здоровается, мы разговариваем, но я не герой ее романа, ее мысли совершенно не заняты мной.

Всякий раз, как я ее вижу, мне хочется сказать ей что-то приятное, но я говорю какую-нибудь глупость и смотрю на нее ничего не выражающим взглядом.

– Значит, – делает вывод Сильвия, – она твоя личная и более реальная Летиция Каста.

Я молчу, но мне всегда приятно, когда кто-то говорит о ней.

– Представим, что звонит телефон. Представим, что ты снимаешь трубку и слышишь ее голос. И она говорит тебе: «Я в Мальяне и жду тебя, чтобы провести вместе ночь. Приезжай». Что ты будешь делать? – спрашивает Сильвия.

– Не поеду, – отвечаю я, не задумываясь.

– Не верю, – говорит Сильвия.

– Он и правда не поедет, – говорит Лаура.

Потом мы представили себе возможную встречу девушки, в которую я влюблен, и Летиции Каста, допустив, что обе живут в Мальяне. «Какой засранец! – говорят они и, может

быть, задаются вопросом: – Почему мы живем в Мальяне?» Рано или поздно, они неизбежно должны задать себе этот вопрос. Особенно Летиция Каста.

Необходимо объяснить, что я ничего не имею против района Мальяна, который очень мне нравится, когда я вижу его фотографии в Гугле. Это Сильвия выбрала Мальяну в первый раз в качестве примера, и мы придерживаемся ее выбора. Но если бы Летиция Каста или девушка, в которую я безответно влюблен, позвонили мне из района Боччеа, Сеттекамини, Монте-Марио, Портуенсе или бог знает какого еще, я бы все равно не поехал. И если бы мне позвонили из квартиры в доме сразу за Аврелиевыми стенами, я бы, увы, все равно не пошел туда. Мне нравится Летиция Каста в стенах, очень нравится. Вне стен – нет или гораздо меньше, но, в общем, недостаточно. Я влюблен в девушку, которая живет на границе моего района, но, если бы она переехала за стены, я бы ее разлюбил или любил бы меньше. Но, по правде говоря, если бы она переехала в Мальяну, она бы и не подумала мне звонить. Возможно, из Мальяны мне скорее позвонила бы Летиция Каста.

Это правило, кажущееся моим друзьям таким странным и непрактичным, на самом деле очень распространено. И все сайты знакомств, и телефонные приложения для одиноких сердец основаны на этом методе. Ты находишься в каком-то

месте, и приложение указывает тебе людей, с которыми ты можешь познакомиться, в радиусе пятисот метров или максимум километра. Оно не сообщит тебе, что есть девушка в Мальяне, потому что ты туда не поедешь. Нет, сообщит, конечно, но только если ты в Мальяне или в пятистах метрах от Мальяны.

Должен сказать, что я пользовался этим методом задолго до появления таких сайтов. Я всегда смотрел с вожделением на женщин, живущих в моем районе. Некоторым это нравится, и, польщенные моим вниманием, они смотрят на меня с симпатией, по крайней мере до тех пор, пока не убедятся, что я так же смотрю на других женщин района. Кончается это тем, что у них складывается мнение обо мне как о человеке несерьезном, который подкатывает ко всем подряд. Правда в том, что я хотел бы замутить с одной из них – все равно с какой, и на этот счет они могли бы договориться друг с дружкой. Я люблю всех женщин в моем районе потому только, что они живут близко от моего дома. В Мальяне же, если бы тамошние женщины меня знали, что невозможно, поскольку я там не бываю, они сказали бы: «Какой серьезный человек! Ему звонила сама Летиция Каста, и он ответил «нет»».

Они сказали бы это шепотом из уважения к Летиции Каста, которую они часто видят в своем районе, одинокую и разочарованную. Обиженную и покинутую. Но для Летиции есть выход. В Мальяне тоже живут мужчины. Она может по-

звонить одному из них.

* * *

Мне кажется, что другие одеваются лучше меня, что их завтраки, обеды и ужины вкуснее моих, что они получают более дорогие подарки, чем я.

Что они живут намного лучше меня.

Если на море ветер, меня не интересует, как он называется.

Мы возвращаемся домой на мопеде. Сын сидит сзади, обхватив меня, как я велел, за плечи. И неожиданно спрашивает меня, почти крича, чтобы я услышал его:

– Папа, какие сны тебе больше нравятся – хорошие или плохие?

– Конечно, хорошие, – отвечаю я.

– А мне – плохие. Потому что, когда просыпаешься, приятно понять, что это был всего только сон. А когда просыпаешься от хороших, видишь, что это была неправда, и тебе жалко.

Я исключаю из числа нравящихся мне романтических фильмов ряд картин (и их немало), герою или героине которых (но чаще это мужчина) удается узнать от друзей или из

подслушанного разговора, а то и заглянув в чужой дневник, все вкусы любимого человека. И чтобы заставить его влюбиться, как бы случайно демонстрирует или упоминает все, что тому нравится или, наоборот, не нравится (книги любимых авторов, любимые песни, ненавистные слова). Потом – непонятно, почему и как, – наступает финал фильма, в котором оба действительно влюбляются друг в друга, вопреки обману либо благодаря обману.

Я же считаю, что нельзя победить обман.

Он так мне противен, что я начинаю ерзать, сидя в кино, чувствую себя не в своей тарелке, не могу поверить, что такое возможно, что обманутый может влюбиться в обманщика, даже если раскроет обман.

Щелчок тостера, который со временем ломается и больше не щелкает, а ты говоришь всем потом, спустя какое-то время, что раньше он щелкал.

Я бы с превеликим удовольствием говорил: «Вышеперечисленный осуществляется». Но не представляю, когда это можно было бы говорить.

Комары должны для чего-то служить. Иначе какого черта?

И никогда не знаешь, кто тебя укусил – пчела или оса.

Время, которое я трачу на раздумье перед контейнерами

для раздельного сбора мусора, чтобы понять, куда бросить грязную салфетку.

День, когда выбрасываешь лекарства, срок действия которых истек.

Место, где я чувствую себя как дома, – автострада. На автостраде можно поесть, поспать, пописать, выехать на крупную развязку, съехать с нее, снова вернуться. Итак, автострада. Въехал на одном пропускном пункте и выехал на другом. Едешь как через блок-посты. Это меня успокаивает.

Я уже много лет слышу, что кто-то предпочитает ездить по нормальной дороге – провинциальной, государственной, проезжать поселки, выходить из машины, снова садиться за руль, останавливаться, где придется, на ночлег, открывать незнакомые места. Я понимаю этих людей. Кажется, что ты вернулся в прошлое, видишь места, которые никогда бы не увидел.

Но разве сравнится это с прямой, как стрела, дорогой? Включаешь радио, светящаяся панель угрожает тебе, если ты не пристегнешь ремни. Деревенская еда, кока-кола без газа, место для стоянки, глаз на спидометре, поскольку ты забываешь об ограничении скорости, идиот, который обгоняет тебя справа и позволяет тебе выместить злобу, скопившуюся после того, как кто-то купил перед отъездом картофельные чипсы с сыром и вся машина пропахла сырным за-

пахом. «Хочешь, чтобы немного повел я? Ты устал? Хочешь, остановимся? Заправимся сейчас или на следующей заправке? Воду взял? Остановимся выпить кофе, заодно разомнем немного ноги. Согласен?»

На автостраде задают много вопросов, все любезны, ты едешь к некой цели, и эта цель ясна, она написана на зеленых указателях, которые начинают извещать тебя о ней заранее, за несколько километров.

И настал незабываемый день, когда мне установили телепасс[1]. Я был с дочкой, и мы поехали осторожно, со словами «Кто знает, работает ли он», человек, который устанавливал его, заверил нас, что работает, и мы увидели коридор для машин с телепассом, а я собирался уже, как обычно, взять билет, потому что боялся разочароваться и разочаровать дочку, и притормозил, повторяя «кто знает», и не успела она едва слышно шепнуть «папа», как шлагбаум поднялся, и мы услышали звуки, которые, как нам показалось, говорили о том, что наш телепасс работает, мы не могли нарадоваться, и я увидел в зеркале заднего вида, что шлагбаум опустился. Мы проехали.

Когда рулон туалетной бумаги открывается с лохмотьями, ты совершаешь ошибку, когда начинаешь его разматывать,

---

[1] *Телепасс* (*Telepass*) – электронное устройство для автоматической оплаты проезда по платным дорогам. С его помощью можно безостановочно проезжать через пункты взимания платы.

зная, что так будет до самого конца.

Сколько себя помню, я всегда боялся змей. И до сих пор я по несколько раз за ночь включаю свет и смотрю, нет ли под кроватью кобры. И почти всегда ее таки нет.

Когда некто говорит, что он вегетарианец, веган, кто-то еще, мы смотрим на него с недоверием. И начинаем спрашивать, ест ли он рыбу, яйца, моллюсков, плотоядные растения. Делаем это потому, что у нас неизвестно почему возникает подозрение, что это неправда, и неудержимо хочется поймать его на лжи.

Меня спрашивают о битве при Гонзаге. В голове у меня смутное воспоминание о главе истории, в которой речь шла о битве при Гонзаге. Но я не помню, кто с кем сражался, не помню, когда это было. Я стараюсь изо всех сил, говорю что-то невразумительное и жду не дождусь минуты, когда можно будет сменить тему разговора. Даже если мне удалось что-то сказать, чтобы меня не считали неучем, в моей жизни и в моей голове битва при Гонзаге навсегда останется чем-то смутным.

На самом деле сейчас, если подумать, я хотел привести в пример не Гонзагу, а Кустоцу. Впрочем, нет, может быть, именно Гонзагу. Какую битву я плохо помню?

Возможно, и ту, и другую.

Груши, которые были всего лишь фруктом, неожиданно превратились в неотъемлемый ингредиент торта. Это своеволие раздражает меня, и я отказываюсь от любого торта с грушами.

Когда идешь с полной чашкой в руке, следует учитывать, что идущий перед тобой может неожиданно остановиться. Более того, он обычно так и делает.

Никогда не понимаешь, у кого поблизости звонит мобильник.

Я не выхожу из такси. Я убегаю.

Когда люди, провожающие тебя на машине, останавливаются: «Минутку. Я должен заправиться».

Когда ты вешаешь пиджак, он падает. Ты вешаешь его снова, и он опять падает.

Когда я выступаю на публике и говорю умные вещи, случается, что кто-то набирается смелости и поднимает руку. Ему протягивают микрофон, и он задает вопрос вроде этого (один или два раза был именно этот вопрос): «Как, по-вашему, можно разрешить конфликт между Израилем и Па-

лестиной?»

Я понимаю, что как тот, кто задал вопрос, так и все остальные ждут моего ответа. Понимаю, что для них важно мое мнение о том, как разрешить конфликт между Израилем и Палестиной. Потому что кто-то читал мои книги и они ему понравились, или он только что слышал, как я что-то говорил о политике либо о чем-то еще, и подумал, что у меня должно быть оригинальное решение. В общем, они считают, что я должен сказать нечто небанальное о разрешении конфликта между Израилем и Палестиной. То, что реально поможет разрешить конфликт. В эту минуту никто не помнит, что вот уже не одно десятилетие не только израильтяне и палестинцы, но и ученые, а также правители разных стран не могут найти решение.

И сейчас, здесь, вероятно, не все, но многие думают, что его должен найти я. Из всех людей в мире, из всех, кто давно занимается этим, но так и не нашел решения, возможно ли, чтобы разрешить конфликт между израильтянами и палестинцами выпало именно мне? Здесь? Сейчас?

И вместе с тем я думаю: а вдруг они правы? А вдруг я сейчас скажу нечто, это нечто передадут израильтянам и палестинцам, и они скажут: «Правильно, мы можем сделать так!» И добавят: «Черт возьми, почему мы сами до сих пор не додумались?»

А вдруг этот вопрос задали мне потому, что в моем предыдущем выступлении промелькнуло что-то, позволяю-

щее предположить, что у меня действительно может быть представление о том, как разрешить давний конфликт между Израилем и Палестиной и примирить два вечно враждующих народа, чтобы отныне они жили в дружбе?

И потом я думаю: «Нет, сомневаюсь».

* * *

Прошлый Новый год мы с друзьями встречали на Кубе. За день до возвращения в Италию моя жена и дочка с подругами решили заглянуть в будущее, доверившись известной в Гаване гадалке на картах. Когда они вернулись в гостиницу, трудно было не обратить внимание на их возбуждение. Гадалка много чего напророчила им – главным образом связанного с датой смерти (очень далекой), с детьми, которые родятся у самых молодых из них. Но моей жене она сказала нечто, вызвавшее у нее и у остальных очевидный выброс адреналина. Жена, в отличие от других, пыталась если не скрыть, то посмеяться над предсказанием, касающимся лично ее. Остальные, в том числе наша дочь, хихикая, настаивали на том, чтобы она открыла мне, что сказала ей кубинская гадалка.

В конце концов ей ничего не оставалось, кроме как уступить их уговорам. В общем, гадалка, повторяя более или менее обычные банальности, вдруг увидела карту, которая дала ей повод предсказать моей жене, что в этом году ее ждет

серьезная перемена в жизни. И добавила: «Впереди у тебя новая любовь, новый мужчина».

Это пророчество веселило всех, а жена делала вид, что ее оно не касается, хотя оно ее скорее радовало, чем огорчало. Все, включая нашу дочь, смотрели на меня испытующе, стараясь понять, как я воспринял слова гадалки. В самом деле, когда тебя огорошивают неожиданной новостью о будущем, твое воображение мгновенно превращает его в настоящее. Неудивительно, что я тут же представил себе новый блеск в глазах моей жены в тот вечер, когда она скажет мне: «Сядь, нам нужно поговорить. Я должна сказать тебе, что ухожу. Я люблю другого». Представил печальную минуту, когда за ней закроется дверь (а я останусь дома; ей – новая любовь, подумал я, а дом – мне). Мне предстоит привыкать к одиночеству (с несомненными его преимуществами – особенно в первое время, когда остаешься один после стольких лет совместной жизни); наши отношения друг с другом, допускаю, останутся теплыми (после стольких лет иначе и быть не может); но как быть с ощущением неловкости в семейном кругу, вызванным присутствием этого нового человека (возможно, подумал было я, мне следует немедленно отправиться к той же гадалке и сказать ей: «У моей жены новый мужчина, а как же я?»).

Одним словом, чувствуя на себе пристальные взгляды окружающих, я мгновенно выработал примерно такую реакцию: в конце концов, мы столько лет были вместе, хорошо,

что жизнь дарит ей новую любовь, и если она счастлива, то счастлив и я, что и есть доказательство моей любви. Не хочу сказать, что я в восторге от этого. Но раз уж это должно случиться в течение года (и значит, уже нынче вечером в гостинице – дело было 4 января – или завтра в аэропорту она встретит новую любовь, или в марте, в июле, в октябре, кто знает), лучше быть отзывчивыми, цивилизованными, отнестись к ситуации с пониманием. В общем, быть на стороне жены. Пророчество гадалки (она сказала именно так – «в этом году») означало: «до 31 декабря у тебя будет новая любовь», и не подлежало сомнению, что, когда такое происходит, никто не виноват. Моя жена здесь, передо мной, сейчас мы вместе, спокойные (разумеется, не настолько влюбленные, как когда-то), и она еще не представляет себе мужчину, который появится в ее жизни в этом году. Но он ей предназначен. В чем ее вина? И как можно винить в этом гадалку? Виной судьба. И кто мы такие, чтобы противиться судьбе? Мысли и сердце моей жены сейчас чисты. В ее мыслях, в ее сердце нет мужчины, который займет их когда-то в течение года. Мы смотрим друг на друга не без любопытства и не без иронии.

А что нам остается? Вот мой ответ на пристальные взгляды. Если суждено, значит, так должно быть.

Моя дочь, стесняясь наших друзей, предлагает смягченную версию пророчества гадалки, не исключая, что та имела в виду нас двоих и предсказывала, что папа станет лучше,

станет другим человеком, которого (она говорит это маме) ты снова полюбишь, как раньше. Все кивают головой в знак согласия, все, кроме меня. И кроме моей потупившейся жены.

Дочкой руководило скорее чувство неловкости, чем уверенность в правоте своих слов, и мне это не нравится. Не нравится то, что героем истории с гадалкой, с моей женой и ее новой любовью, суждено стать мне. И что целый год мы проведем – проведут все (не только моя жена) – в наблюдении за мной с целью заметить и оценить основные перемены во мне, достойные того, чтобы заставить мою жену снова влюбиться в меня. Самая трудная роль, следовательно, отводится мне. Даже моей жене, у которой сейчас всплеск адреналина, у которой открываются радужные перспективы, предстоит успокоиться и провести год как ни в чем не бывало. Предстоит обреченно ждать перемен во мне и, если они произойдут, а они должны произойти, как сулит пророчество, снова влюбиться в меня, но в таком случае ее жизнь, честно говоря, вряд ли изменится: не думаю, что между мной худшим и мной лучшим будет большая разница. О новой жизни, одним словом, говорить не приходится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.